

Леонид Савельев

КНИГА НОМЕР ШЕСТЬ

ЭГОИСТЫ

Я припарковался у супермаркета и уже открыл дверь выходить, когда стоящий напротив «Opel» начал сдавать задом и въехал в другую машину. От удара вмялся весь бампер и вылетел номер у припаркованной рядом ярко красной «Acura». Я удивился, как это удалось ему, когда места полно, и наблюдал, что будет дальше.

Дверь «Opel» открылась, и из неё почти вывалился полный мужчина с красным лицом. Взгляд выражал пьяную брезгливость и раздражительность. Плюнув на асфальт, красномордый развёл усы рукой, почесал голову и полез обратно в машину.

— Эй, мужик! А ты куда собрался-то?

— Пошёл ты, — заплетающимся языком отмахнулся от меня, как от надоевшей мухи, этот хам и дав по газам, с пробуксовкой, стартовал к выезду.

Если бы не послал, если б сделал хотя бы вид, что вызывает гаишников или пишет записку потерпевшей «Acura», я бы просто пошёл по своим делам. Если бы, если бы... Но он этого не сделал, и

записку пришлось писать мне, что был свидетелем аварии, с указанием номера машины красномордого. Приписал свой номер телефона и положил под «дворник» «Asuga». Загнал ногой отвалившийся номер под машину и направился в магазин.

Покупка продуктов два раза в неделю по списку, составленному женой — это моя семейная обязанность. Когда вышел из супермаркета, толкая перед собой полную тележку, соседняя машина всё ещё стояла без хозяина. Интересно, кто может ездить на такой ярко-красной? Скорее всего, женщина, или гомик... Разве может нормальный мужик ездить на красной машине, если только она не «Ferrari». Была мысль вытащить записку, порвать и уехать, чтоб не таскаться как свидетель в полицию. Но, вспомнив хамское «пошёл ты» и самодовольную рожу, сел в свою машину и поехал домой.

Она позвонила, застав меня на выходе из дома. Мы с женой собирались в театр.

— Здравствуйте, Артём. Это вы были свидетелем покушения на мою красотку? — голос на редкость задорен, весел и сексуален. Никакого огорчения, только жизнерадостность.

— Если вы про машину, то я.

В это время сын, провожая, закрыл за нами

дверь, а мы вошли в лифт.

— Ах, Артём, спасибо! Ой, я не представилась! Меня зовут Элеонора. Спасибо вам. Редко в наше время найдёшь такого отзывчивого человека. Надеюсь, с вашей помощью мы поймаем этого негодяя... Вы его, кстати, видели?

— Да. Он был сильно пьян.

— У-ф-ф... думаю, это мы уже не докажем. Ну-у-у, во-о-общем-то, не удивительно... Полицейские уже всё тут зафиксировали. Вы как завтра, сможете со мной съездить, если я за вами приеду? К десяти, — и добавила торопливо. — Я всё вам компенсирую, конечно, и заплачу.

Так мы и договорились на другой день съездить в полицию и зафиксировать мои показания. Закончив разговор, поднял глаза на жену. Ульяна смотрела вопросительно.

— Хм, Тём... Я не ошиблась, это женщина звонила? За тобой завтра заедет женщина?

— Нет, милая, не ошиблась.

Я объяснил причину и суть разговора, а она улыбнулась той обворожительной улыбкой, которую я ценил за её редкость.

— Смотри, Тёма. А то я сразу тебя приревновала. Слушай, а давай не пойдём в театр и снимем гостиницу на несколько часов. А?

И мы не попали в театр; домой вернулись гораздо позже намеченного. А наутро я позвонил на

работу сказать, что задержусь, и спустился к ярко-красной машине с разбитым задним бампером.

— Ой... здрасте.

— Здравствуйте. Что «ой»?

— Я думала, вы гораздо старше... Ну что, поедем обличать негодяя-алкоголика?

Так я познакомился с Элеонорой, обладательницей очаровательной внешности, великолепной фигуры и сокрушительного шарма. И третий раз за почти двадцать лет совместной жизни изменил жене. Это было три года назад.

* * *

Три года с Артёмом. И три разных этапа. Сначала любопытство и секс. Потом привязанность, дружба, секс. Теперь любовь. Я чувствую себя счастливой, когда он рядом, и несчастной, когда его нет.

Сейчас он в командировке. Сегодня прилетит из своего Китая, и я очень надеюсь, что увижу его. Не виделись почти две недели! Я соскучилась по его глазам, запаху, голосу, по волосатой груди и его ворчанию. Мне так много хочется сказать ему... хочется узнать, как он провёл эти дни без меня. Не по телефону. Ненавижу телефон. Он создаёт иллюзию общения. Общение с любимым — это мимика, глаза, его дыхание... А что телефон,

только для делового общения, где этого как раз не нужно. Где «ничего личного, всего лишь бизнес». Сегодня... уже совсем скоро приземлится его самолёт.

Я послала ему sms, и как только он включит телефон, мне придёт отчёт о доставке. Так я буду знать, что прилетел.

Не просто у нас всё складывалось. Я много брыкалась... сначала брыкалась. Как это, я, и на вторых ролях?! К тому же, он женат. В начале было особенно трудно. Но я в этих отношениях росла: от ревнивого ребёнка к мудрой женщине, которая ценит то, что есть сейчас. Эта взрослая женщина во мне понимает, что если его не будет в моей жизни, мне будет гораздо хуже. Я не буду счастлива. А «завтра» может и не быть, а есть только «сейчас».

* * *

Самолёт уже второй раз заходил на посадку. Я устал и хотел домой. Трудные дни, длинный перелёт. После посадки предстоит ещё несколько часов мучений: сначала в аэропорту, потом по дороге домой. А завтра, пусть и к обеду, но нужно появиться на работу.

Все заплодировали, когда самолёт сел. Странные люди. Я — никогда. Кому, пилоту? За то, за исполнение обязанностей? Что посадил самолёт,

а не спикировал штопором в землю? Или от радости, что на этот раз опять выжили? Глупо. Достав из сумки смартфон, включил. Как только он загрузился, пришло сообщение от Эли.

Эля... эта женщина — многое в моей жизни, которая теперь состоит из двух половин, и в каждой меня любят. По-своему. В одной Ульяна — это стабильность, семья, дружба. Это монолит. Костяк. Но там не хватало эмоций, страсти секса, что было в другой половине, с Элей, которая для меня важна... но не главное, хотя и не представляю себе жизни без неё.

«Тёмочка, ты прилетел! Наконец-то! Как жаль, что запретил мне тебя встретить! Очень жду тебя прямо сейчас! Хочу тебя! Очень соскучилась! Приезжай ко мне сейчас же!»

Прочтя sms, улыбнулся и набрал номер Ульяны.

— Милая, мы сели. Ты где, на стоянке? Минут через сорок-час выходи меня встречать. Целую.

* * *

Он получил sms. Но не звонит... почему? Как же я хочу его видеть! Да просто сумасшествие какое-то... как девочка семнадцатилетняя. Да сколько можно! Чего я жду? Нужно набрать самой, он же приземлился!

— Тёма! Тёмочка! Как же я по тебе соскучилась, Тёмочка!

— Здравствуй, моя хорошая!

— Ты приедешь сейчас ко мне, правда, Тёма?

— Эль... Вообще-то я очень устал. Да и поздно уже будет, пока доберусь.

— Ну-у-у... Тёееём!

— Эль, ну ведь всегда так... и ты бываешь занята. Да и время позднее... устал я как собака, спать хочу.

Слёзы из глаз... Я не ревела, голос не менялся, просто слёзы шли потоком и, стекая по щекам, капали мне на грудь.

— А когда? Завтра? Приедешь завтра?

— Не могу обещать, но постараюсь. Будет день и будет пища... Не расстраивайся, увидимся, всё впереди. А ты чего делать будешь?

— Я?... Не расстраиваюсь вовсе, всё нормально. Почитаю и спать, наверное, лягу, что ещё делать, если ты не приедешь.

— Вот и молодец. Ложись, моя хорошая!

Разговор окончился. Всё! Мы поговорили. Всё! Не увижу его сегодня. Всё. Я не смогу заглянуть в его глаза. Всё! Я не смогу слышать его голос и рассказ, как провёл эти дни. Всё? Да не всё! Не всё! Да почему так?! Почему он так? Опять недосказанность, опять недоговорённость. Все беды от недосказанности, от несказанного вовремя. Не

потом... нет... потом нельзя. Потом нельзя даже вспоминать. Говорить нужно сразу. Здесь и сейчас. Позже нельзя. Позже нельзя вспоминать и мусолить прошедшее. Никогда нельзя. Я опять схватила смартфон.

— Артём! Я просто с ума схожу, как соскучилась. Может, приедешь всё же?

— Эль, ну, сказал же... что ты за эгоистка такая?! Ты всё о себе! Всё о своём. Ты вот даже не спросила, как я? Устал ли я?... Тебе это вовсе не интересно, тебе просто тупо хочется... ты просто вот хочешь, и всё! Тебе наплевать на меня совсем.

— ... почему?! Почему ты всё портишь?! Что плохого в том, что я хочу тебя видеть? Почему всё нужно всегда откладывать?! Жизнь проходит, а мы все на потом откладываем! На завтра, послезавтра! «Завтра» может ни быть никогда, Тёма! «Устал», «поздно» и остальное, лишь бы отложить, лишь бы перенести на завтра, на послезавтра! В чём приоритеты, Тёма?! А? В чём?!.. Да пошёл ты, Тёма!!! Понял? Пошёл ты в ж...пу, Тёма...

Я уже редела во весь голос. Бросив трубку, уткнулась лицом в подушку, которая почти сразу стала мокрой.

* * *

Мы с женой и сыном были в магазине. После

вчерашнего перелёта болела голова, и весь был какой-то разбитый. Но нужно двигаться, да и дела. Вообще, покупать продукты по списку моя семейная обязанность. Но сегодня они пошли со мной, видно, успели соскучиться.

Звонок Эли застал немного врасплох. Я думал, что как всегда после мелких стычек, пройдёт пару-тройку дней.

— Привет, Тём.

— Привет.

— Что делаешь?

— Я в магазине.

— Чего? Не слышно, где ты?

— В магазине, говорю. Слышно?

— Очень плохо слышно тебя Тём, ты пропадаешь.

— Тут связь плохая. Давай я перезвоню, как выйду, хорошо?

— Хорошо. Я очень жду, Тёмочка.

Да, что за... Неужели она не понимает своё место?!

— Артём... ты прости, конечно, но нам нужно будет серьёзно поговорить... — Ульяна говорила тихо, чтобы не услышал сын, но с нажимом и уверенно. — Или ты думаешь, я ничего не замечаю и не чувствую?

Ульяна...

Как Эля не может понять? И как ещё я могу ей

объяснить, каких трудов мне стоит иногда вырваться к ней. Как она не понимает, что наши встречи, на самом деле, стоят мне неимоверного вранья жене, нервов и проблем. Она думает только о себе. Ей просто нужно увидеться, и всё! Её не колышет, что у меня есть проблемы, усталость... Она эгоистка.

А сейчас вот... я и не думал, что Ульяна что-то подозревает. Теперь опять придётся извиваться и врать, врать... Как же это трудно! Выматывает... а она «не может понять»... эгоистка.

* * *

Прошёл уже месяц, как я, собравшись силами, позвонила ему на другой день после ссоры.

— Тут связь плохая. Давай я перезвоню тебе, как выйду, хорошо?

— Хорошо... Я жду Тёмочка.

Прошёл месяц, а он до сих пор «не вышел из магазина». До сих пор... ведь он мне никогда не врал, всегда делал то, что обещал. Значит, он до сих пор в магазине. Прошёл месяц. Уже месяц, как «он в магазине», а я несчастна. Каждое утро жду. Жду счастья — его звонка, встречи с ним.

* * *

Отдав машину на ТО, весь день передвигался на такси. Уже три месяца, как я жил другой жизнью — без Эли. Так плохо, что был уверен — долго это не продолжится. И каждый день откладывал звонок на «потом», переносил разговор «на завтра». Пауза в отношениях тоже полезна. К тому же, есть повод. Нельзя же просто послать меня в ж...пу, а потом вести себя, как ни в чём не бывало.

В тот день не перезвонил. Был разговор с Ульяной. Сложный, тяжёлый разговор. Жена чувствовала что-то не то. Пришлось опять врать, придумывать, клясться в верности. И я не перезвонил Эле. И назавтра тоже. С каждым днём было всё труднее решиться набрать её номер. А хотелось. И не только набрать номер, но увидеть, услышать. Нестерпимо... «Завтра, когда возьму машину с ТО, даже звонить не буду. Не буду звонить, просто приду. Если её не будет, то открою дверь своим ключом и подожду. Завтра. Точно. Завтра так и сделаю».

— У вас, смотрю, даже климат-контроль двухзонный... И чистенько так... хорошо... А то час назад ехал за те же деньги на разбитых «Жигулях», где не только кондиционера нет, грязь везде с палец толщиной.

— Да, тут как в лотерее.

— А вообще, хорошая машина «Focus»? Нравится вам «Ford»?

Молчать не хотелось, нужно было отвлечься. А о чем ещё говорить с таксистом, как не о машинах.

— Машина и машина... Меня устраивает.

Я посмотрел на водителя, он явно был не расположен к разговору. Вёл машину автоматически, видно, думая какие-то свои таксёрские думы.

— Не жалко в такси-то разбивать машину? Если расценки те же, можно было бы как все, на разбитых Жигулях ездить? Хотя, я бы, конечно, лучше заплатил больше, чтоб с комфортом, чем на этих вёдрах с гайками.

Таксист посмотрел на меня словно оценивающе, можно ли мне говорить, или нет. И, видно, решив, что можно, поправил очки и сказал:

— Да и на нормальных машинах... Вон вчера на новом «Рою» малый молодой влетел в лоб. Сам с похмелья, взял пассажиров. На алкоголь-то и наркотики перед поездкой проверки нет, все на своих машинах подрабатывают. Разогнался и на встречу — влетел в ярко красную «Асуга». Сам насмерть и, видно, сразу, не мучился. А пассажирка с ребёнком и женщина за рулём «Асуга» не сразу, в больнице умерли. Четыре трупа в итоге. А тоже таксист, и на хорошей машине... Так что, всё может быть.

ЖИЗНЬ НА ТРОИХ

1. Тася, картофан и бычок в урне

— Тася?! Ну, и где ты была столько дней? Я уже волноваться начал. Сейчас, подожди. Минуту, у меня тут... сейчас.

Зайдя в дом, я быстро взял свёрток и поспешил к выходу, чтобы Тася вдруг не ушла не дождавшись. Секунду подумав, достал сигарету, прикурил и потом только вышел на улицу. Закрыв за собой дверь, улыбнулся Тасе, разворачивая и показывая ей свёрток. Я на самом деле был рад её приходу. Я любил эту кошку, и она отвечает мне взаимностью.

— Тасечка! Я так по тебе соскучился! Где ты так долго была? Красотуля моя.

Стояла тишина. Я наблюдал, как кошка ест, не поднимая на меня глаз; смотрел то на неё, то на ближайший лес и висящее над ним солнцем.

«Много я курю», — подумал без досады, лишь констатировал, выпуская дым от вновь прикуренной. Мда... погодка. Сегодня ещё сухо, но уже холодно. Завтра, передают, уже дожди, а может и снег. Середина октября, пора закрывать дачу и сезон, перебираться в город, на спячку в ожидании нового лета. Да всё тяну... Последние полгода, что

живу на даче, уже привык каждый день ездить сюда ночевать, а на выходные, так в любую погоду здесь. Не хочу зимы, не хочу в городе...

Кошка, наевшись, начала крутиться и тереться вокруг ног, урча как трансформатор.

— Довольна? Тась! Слышишь, телефон звонит, вот принесла бы мне, а Тась... Толку от тебя никакого, кроме эстетического и психологического удовольствия. Ни-ка-ко-го. Хотя, вот мышей приносишь к порогу, подкармливаешь меня. Иначе, с голоду б тут помер без мышей-то, да Тась?... Алё!

* * *

Как же мне грустно, и всё оттого, что муж возвращается с дачи и будет здесь жить целых полгода. Без него было хорошо! Но скоро наслаждение жизнью прекратится. Да, наслаждение. Потому что без него я живу, как хочу. А тут начнётся... Скорее всего, после выходных появится. Погода уже совсем не дачная. Жаль, жаль. Всё хорошее когда-то заканчивается. Буду жить и ждать следующего мая, когда уедет, и опять смогу быть одна. С сыном, без него. Нет, я люблю своего мужа. И мне он нужен. Нужен, но дозировано. На расстоянии. Понемногу. По чуть... Сейчас вот иногда даже скучаю по нему. На

расстоянии. А находиться постоянно рядом — это... я устаю от него. С ним я перестаю быть собой. Чувствую себя кем угодно: служанкой, поваром, уборщицей, шлюхой, но не собой! То готовлю, то убираю, стираю, отмываю. Даже когда с сыном приезжали к нему летом на выходные на дачу, я вкалывала, вкалывала, вкалывала... то жарила, то парила, то копала, то полола. Задолбало всё. Устала. Конечно, и без него я делаю то же, что и с ним, но делаю, когда мне нужно. Мне. Не кому-то, а мне. Я так устаю, когда он рядом. Эти разговоры. Эти постоянные беседы. Слова. Много слов. Так утомительно. Я устаю...

С сыном проще — я делаю ему жизнь, а не он мне. Даже когда не общаемся, знаем, что мы рядом. Пусть даже сидит, закрывшись в своей комнате, и занимается своими делами, он со мной. А появится муж и начнёт постоянно тянуть нас из дома на всякие прогулки-пробежки. Будет много и громко говорить, о чём-то спорить, к чему-то цепляться, лезть не в свои дела, лезть ко мне в душу. Опять будем с ним цапаться, потом бурно мириться.

«Уф-ф-ф», — вздохнув, взяла телефон и набрала мужа. Заключение должен знать о сроке вступления приговора в силу.

— Аллэээ...

— Фу!

— Чего, фу?

— Ты раньше так не говорил. Вульгарно как-то. Долго ты там ещё собираешься? До ноября или нового года? С сентября твержу, чтоб переезжал домой, ночами вон минус почти уже.

— Тут воздух. Тут тишина.

— Давай, приезжай — воздух-тишина...

Слышишь?

— Тут у меня Тася, ест сейчас... Забавная она.

— Тася твоя сама скоро в посёлок уйдёт от тебя. Она белых мух ждать не будет! Так когда приедешь?

— Сегодня. Вечером приеду... Но сюда потом ещё съездить нужно будет, яблоки собрать на зиму, когда минус начнётся на улице... Алё!

— Да, да...я тут, задумалась. Хорошо, соберём яблоки. Приезжай, давай, мы ждём. Во сколько будешь?

— Не знаю, вечером.

«Ну, всё, поговорили уже! Ну, клади трубку! Чего тянешь? О яблоках собрался говорить... Дай хоть спокойно принять удар, что сегодня жизнь моя мирная закончится. Начиная с завтрашнего дня ты будешь целых полгода воровать моё время, воровать мою жизнь», — молчала я в трубку. Так хотелось дать отбой и разреветься. В голос. Наревется до следующего лета. До свободы.

На кухню быстрым шагом по коридору топал сын.

— Ты зачем сюда? Хватит кусочничать, потерпи до обеда.

— Это сын там? — слышалось в телефоне. — Это ты ему говоришь? Дай ему трубку, пожалуйста.

— На, тебя, — передала аппарат сыну.

Слух как отключился. Отдав телефон, пошла в комнату и легла на диван, закинула ноги на подголовник. Да-а-а... в общем-то, чего я? Пускай приезжает. Пусть всё будет так, как идёт. В прошлом году было даже жалко, что съезжает на лето.

— Ма, папа предлагает приехать за нами, и съездим в пиццерию. Ты как?

— А с чего такое предложение возникло?

— Да па, короче, приезжай давай... Угу, пока.

Сын стоял надо мной и улыбался.

— Я сейчас на кухне чего делала? Гимнастику? Нет? Вот и я думаю, что не гимнастику, а обед готовила. Ты же сам там сейчас был! В духовке мясо с картошкой готовится, как ты любишь. А ты: «Приезжай, поедем в столовку!» Какая пиццерия? Всё, отстань от меня, мне полежать нужно минут двадцать.

— О! Класс! Если картофан, то это крутяк. Покруче пиццы крутяк! Класс!

Я закрыла глаза. Аудиенция закончена.

— Ма... а ты позвони тогда ему, что мы не

пойдём.

— Я? Я? Ты ничего не перепутал? Ты с ним договорился, ты и звони, — не открывая глаз, отрезала я.

* * *

Вот нужно было так не вовремя выйти из комнаты! У меня там на контакте такая тема... Выскочил в туалет и бутерброд перехватить, а тут на тебе! Ещё и батя этот...

— Да, пап.

— Как дела-то?

— Нормально... Всё?

— Не всё! Ты чего грубишь?

Заколебал уже! Что ему надо! Занят я. Мне не до рассказов о своих делах, да и не поймёт он... меня Санёк с Никитой ждут.

— Я не грублю.

— Грубишь. Даже не замечаешь, как грубишь. Я сегодня уже с ночевкой приеду, сейчас убираю тут. Готовить некогда. Как там обед? Небось, как всегда, не готов?

— Не знаю, наверное, нет... Откуда мне знать? У мамы спроси. Дать маме трубку?

«У меня ещё уроки. Времени в обрез, пацаны в сети ждут, а тут разбираться, что там готовится, не готовиться. Достал».

— Да погоди ж ты, я с тобой разговариваю! Давай так, я прямо сейчас закрою тут всё и сажусь в машину. Заеду за вами, и смотаемся, поедим пиццы. А дачу закрывать на зиму, ставни там, замки, остальное — приеду на выходные следующие. Всё равно яблоки собирать. Мать спроси только.

«Вообще, жрать охота. Пицца была бы сейчас ничтяк, а мать лежит на диване».

— Ма, папа предлагает приехать за нами, и съездим в пиццерию. Ты как?

— А с чего такое предложение возникло?

«Блин, меня там пацаны ждут, а я тут в сломанный телефон играть буду!»

— Да, па, короче, приезжай давай... Угу, давай пока.

— Ладно. Тогда собираюсь и еду. Где-то через час, когда буду подъезжать, позвоню.

— Угу, давай, пока.

* * *

Сын всегда резко обрывает разговор. Ну, что ж, нужно ехать. Я улыбался своим мыслям о предстоящей встрече. По правде говоря, очень хотелось побыть вместе, посидеть за одним столом. Дома так не получится: жена постоянно вскакивает, что-то подает, убирает, подтирает, а сын просто берёт тарелку и уходит в свою комнату. И сколько

ни говори, спокойно сидеть она не может, а сыну на кухне «не вкусно». При этом я, конечно же, чувствую себя неуютно. А она всё убирает-ставит мои тарелки-чашки. Да, столько лет вместе, и всё неудобно. Иногда удается сделать это самому, но стоит зазеваться и... Не могу я дома! Даже расслабиться не могу. Когда жена начинает суетиться, я это воспринимаю как укор моему бездействию и тоже начинаю делать что угодно, лишь бы делать: что-то прикручивать, отпиливать, приклеивать. Чтение книг или просмотр фильма считается в семье тунеядством и демонстративно, хоть и молча, порицается. Жена, к примеру, бежит из угла в угол с тряпкой, а я лежу с книгой, и чем дольше, тем быстрее она мелькает и с большим шумом что-то двигает, переставляет. Минуты тунеядства к часам приравниваются, а целый час так потянет на пару дней игнора: отворачиваний, скидывая моей руки со своего плеча и ещё много чего молчаливого.

Добрался я быстро, без пробок и почти до дома. На месте проезда в наш квартал была канава, в которой курили тёмнолицые работники в оранжевых жилетках. Движение здесь совсем недавно сделали односторонним, а чтобы заехать с другой улицы, мне потребовалось бы время практически равное поездке с дачи, настолько всё забито пробками. Проще было оставить машину и

дойти пешком, что я и сделал. Запихнул её в ближайший платный парковочный карман из опасений, что дальше мест не будет.

Выйдя из машины, закурил. Не дымлю в машине и дома, тем самым урезая себя в сигаретах. Ограничения мне нравятся, потому как именно сейчас я получаю настоящее удовольствие. Раньше смолил гораздо больше, причём, даже когда не очень хотелось. И удовольствие... его почти не было. И так во всём: и в моей половинчато-сезонной жизни в семье, и вне семьи. Удовольствие всегда в начале того, что потом становится жизненной потребностью, а дальше начинается просто скука и нетерпеливое ожидание нового. Сколько лет ещё это продлится? Сын ещё недавно лучшим другом был, папочкой называл, а теперь... даже если вместе идём, то чешет сзади или впереди, только не рядом. Нет, нормально, конечно, сам таким был... вероятно. Но неприятно же!

Так, идти ещё минут пять. Нужно звонить. Сделав шаг ровным, спокойным, набрал номер сына.

— Надевайте куртки, обувайтесь, я поднимусь через пару минут, и придется тут пройти до машины, она на Ленина стоит.

— Не...

— Что, нет?

— Да не пойдём мы ни в какую на фиг пиццерию! Мама картофан с мясом сделала, какая пиццерия!

— Так я ж тебя спрашивал, готовится что или нет! Ты «нет» сказал! Мы разговаривали сорок две минуты назад!

— Да чем ты недоволен-то?! Заколебал уже орать! Картофан однозначно лучше пиццы, иди домой. Всё, давай, пока.

— Ты чего грубишь?!

Наиглупейший вопрос в пустоту. Вот это его «всё, пока» и отключение сразу, моментально! Ну, бесит просто! Я остановился. Руку обжѐг тлеющий окурок, который я до сих пор, оказывается, держал между пальцев. Щелчком послал бычок в урну и продолжал стоять, сдерживая раздражение. «Предупредить нельзя?! Просто сказать, позвонить! Зачем я так летел с дачи?» Не знаю, как назвать это чувство. Не ярость, конечно, и не ненависть. Какое-то воспламенение. Я стоял, чётко осознавая, что теперь мне нужно вернуться к машине, проехать минут сорок по пробкам, чтобы пробраться к своему дому и есть одному на кухне подогретый в микроволновке картофан. Наверное, у меня даже глаза сейчас от злости покраснели.

Рядом с урной стояла скамья и на ней двое.

— Э! Дятел! Что уставился-то? Ты не одурел что ли тут бычки кидать, а?! Что стоишь-то, рот

открыл, иди, гаси или вытаскивай, чтоб не дымил. Ну. чего вытаращился?

2. Труссы в кармане и сбежавшая таксистка

С трудом открыл глаза.

Похмелье бывает разным. Сегодня у меня оно нервное. Всё кажется, что-то упускаю. Что-то важное. В таком состоянии начинаю обычно куда-то спешить, принимать решения, действовать невпопад — словом, суетиться. Мне кажется, что кругом застой и нужна движуха. Но это неправильно, потому как восприятие мира у меня сейчас болезненное. Мозг воспалён. Нервы напряжены. И сердце... оно, зараза, болит. Только, когда пью. Точнее, наутро. Давление. Когда не бухаю, то здоров, как бык!

Нервное состояние. Хорошо, сегодня суббота, а то уволил бы всех своих сотрудников, а потом начал бы пить с горя. Так уже было. Хе-хе...

Сегодня нельзя пить совсем, иначе запой. То, что стал алкоголиком, определил по желанию похмелиться, появлявшемуся у меня всегда к вечеру на другой день после пьянки. А раз алкоголик, значит на ближайший месяц план свой выполнил уже вчера.

Именно вчера я поступил, как истинный алкоголик. Когда поссорился с женой, ушёл,

конечно же, хлопнув дверью. Сел в такси и помчался по клубам и ресторанам с новыми яркими знакомствами, задушевыми разговорами и внезапно вспыхнувшей любовью. Уже под утро, в машине какой-то девки... Лифчик, сиськи, коготки, тошнота, сон... А было ли вообще всё это? Вся эта любовь по пьяни.

Это как читать электронную и бумажную книгу — получаешь одинаковую информацию, но читаешь по-другому. С томиком чувствуешь страницы в руках, вес, запах... Но сейчас не о разнице, а о сущности: одну можно потрогать, а другая, когда тысячи книг на одной флешке... она просто перешла в виртуальное пространство и там так и живёт, а материально её не существует. Вот вчера я и был в таком виртуальном пространстве, которое будто то же самое, но по-другому воспринимается. В нём всё актуально только сейчас, моментально, только в эту секунду, но ярко, радостно и с отключением мозга. Воспоминания смутны и неточны, как прочитанная несколько лет назад книга... Из тех, которые пока читаешь, то интересно, но, отложив, сразу забываешь содержание и саму книгу. Она не остаётся лежать на столе или на полке в шкафу. Была ли она вообще?

И было ли то, что было вчера?

Но это «вчера» было. Иначе не проснулся бы в

гостиничном номере в одежде и без возможности вычистить зубы и побриться, по причине отсутствия и щётки, и бритвы. Пересохшее горло, холодный пот на лбу. И нервозность, эта противная нервозность. Где-то на полу завибрировал смартфон. Поднявшись на локтях, посмотрел туда. О! Оказывается, я снял куртку, но лучше бы снял ботинки. Номер звонившего был незнаком. Обычно трубку не беру. Мало ли. Нет. Не буду. А вдруг что вчера наворочал? Братъ, не братъ?

— Да.

— Котик, ты вчера сказал, чтобы я в номер приходила. Я приходила.

— И что?...

Кто это?! Нервозность. Голос мой натренированно грубоват и спокоен, но кто звонит?

— Если ты не помнишь, то это у меня ты отобрал колготки и трусы, сказав, что отдашь в номере.

— Где я сказал?

— В машине моей сказал. Тебе неудобно было в ней, ты пошёл номер снимать. Деньгами девок на ресепшен закидал и в номер поднялся, а я за сумкой к машине пошла.

— И что?

— И не открыл ты Котик. А горничная открывать запасным ключом отказалась. Посмотрела, что ты спишь, а меня не пустила,

Котик.

— Ну да...

— Тебя как зовут-то? Так и не сказал вчера.

— ... ситуацию прояснила, спасибо. От меня что тебе требуется?

— А-а-а, ну, понятно. Ничего не требуется. Бельё моё отдай. Я не миллионерша. Ты знаешь, трусики мои сколько стоят? Колготки, фиг с ними, себе можешь оставить, они все в зацепках после вчерашнего. На голову наденешь, банки будешь грабить. А трусики отдай.

На кровати рядом лежали скомканные женские трусы и колготки. Видно, заснул, сжимая их в руке, как святыню. Вчерашняя виртуальная реальность переходила в реальность настоящую.

— Забирай, на фиг они мне.

— Неет, Котик... Я вчера уже за ними приходила. Привези мне их домой, разорись на такси. Я тебя тут похмелю, накормлю.

— Адрес какой?

Она продиктовала.

— Хорошо, скоро приеду.

Она что-то говорила ещё. Я что-то буркнул в ответ и бросил трубку. Сразу же вызвав такси до названного адреса, встал, пошёл в ванну, умылся, прополоскал водой рот. «Ну и воняет же, наверное, от меня. Даже жвачки нет». Зазвонил телефон, сообщивший, что такси прибыло.

Уже на ресепшен поинтересовался, не должен ли чего и нет ли у них жвачки. Оказалось, что и не должен, и жвачки нет. Вдохнул и вышел к ожидавшему меня белому Opel.

* * *

Я уже перестала думать о муже. Несколько лет, как перестала. Мы обитаем в одном доме, но видимся редко. Он живёт своей жизнью, я своей. Нас связывает только дочь. Я перестала переживать из-за его запоев, его баб, скандалов. Мне, конечно, не хотелось бы его смерти, но лучше бы он жил где-то подальше и я бы его не видела и не слышала. Ну, жив, и слава богу, но без меня.

Вчера вот что-то орал тут, как макака, из штанов выпрыгивая. Да пофиг мне — вся моя реакция. Даже выяснять не стала, из-за чего он вдруг визжать начал. Но для порядка пришлось что-то крикнуть. А не крикнешь, так не уйдёт. Назвала алкашом, маразматиком — и всё! Бла-бла-бла, я ушёл, я ухожу, ты меня не любишь, бла-бла-бла. И стало спокойно и хорошо.

— Ма. А папа так и не пришёл?

— Не-а.

— Ты не звонила ему?

— Ну, хочешь, позвони сама.

— Я? Я?! Да ты чего... ну уж нет! Так

появится.

— В том-то и дело, что появится, — ответила, а сама была бы только рада, если бы не вернулся вовсе.

* * *

Таксистом оказалась девушка. Очень симпатичная и говорливая.

— Здравствуйте. На Никольскую?

— Неожиданно и приятно быть ве-езомым такой оч-чаровательной девушкой.

Видно, я не до конца проспался. Кто меня за язык тянет?! И полились речи... Я узнал всё и про козла бывшего мужа, что не платит алименты, про ипотеку и кредит на эту машину, про основную работу менеджером и эту подработку таксисткой. Но вся суть в подтексте «дай денег, денег мне надо!» Обычно так проститутки выдумывают слезливые легенды для пьяных клиентов, чтобы те больше заплатили. Ну и правильно, чего велосипед-то изобретать, раз метод работает. А я сейчас очень подхожу на роль пьяного клиента. Хотя, так хотелось сказать, что на фига, если у тебя такие проблемы, покупать «Insignia» с двухлитровым турбированным движком? Продай, закрой кредиты и купи себе Renault «Logan». Так нет, понты дороже денег.

— На заправке остановите.

— Купить чего?

— Да, жвачку.

— Вы б сказали, я бы вам дала.

— Спасибо, мне своя нужна, да и приехали уже... Вы каким заправляетесь, девяносто пятым?

— Да, но я не планировала.

— Подъезжайте, я вас заправлю до полного бака.

Она что-то говорила, благодарила, когда я поднимался выйти из машины.

— Ой, простите. Откуда это? Это не моё!

Труселя и колготки, видно, вывалившись из кармана, лежали рядом со мной на сиденье.

— Это моё, — быстро скомкал и сунул в карман куртки.

В груди давило. Голова раскалывалась. У кассы стояла небольшая очередь. Я уже жвал долгожданную резинку, когда подходил к кассе. Протянув кассиру для оплаты вскрытую пачку жевательной, открыл и бутылку с водой, жадно сделал несколько глотков и тоже протянул её девушке, а та мне чек. Увидев сумму, не смог удержаться от улыбки. «Вот бабы, а! Вечно ездят со стаканом бензина в бензобаке, а потом удивляются, когда бензонасос раз в год менять приходится». Ещё шагая к выходу, через стеклянные двери увидел уезжающей от меня Opel.

— Куда эта овца поехала?! — вырвалось у меня. Набрал таксистскую службу, где мне ответили, что девушка уехала, испугавшись моей неадекватности, раз у меня по карманам трусы с колготками распиханы.

— Девушка! Трусы в моих карманах не помешали вашей сотруднице заправится до полного бака за мой счёт!

— Так, значит, правда, у вас в кармане это было?! Что вы хотите? Предъявить претензию нашей службе на этого водителя?

Внезапно стало плохо. Просто физически плохо. Не в силах уже быть активным, как с утра, я выдохся. И мне плохо.

— Ничего я не хочу, девушка. Пришлите мне другую машину, пожалуйста. И мужика водителя. Хватит с меня девушек.

— Хорошо. К зданию заправки? Куда поедете?

— Пока не знаю. Просто пусть приедет быстрее.

— Перемещение заказанной вами машины можно отследить в нашем вебприложении.

— Спасибо... до свиданья... делать мне больше не хрен, как отслеживать ваши машины.

Сунув руку с телефоном в карман, достал из него женское бельё и выбросил в стоящий неподалёку мусорный контейнер. Я бы, конечно,

просто так отдал всё. Без всяких продолжений. Скорее всего, было бы именно так. Но тогда зачем ехать? Чтобы отдать трусы? Они нужны ей, а не мне. Я даже её не узнаю, помню смутно, что брюнетка с хорошей фигурой. И всё. Я был не я, это было в другой реальности. Тогда, зачем мне эта встреча? Я женатый человек. Женатый и несчастный. Уже несколько лет как. И с женой, и с дочкой — всё, как не родные. Это только со стороны мы дружная и преуспевающая семья, регулярно летающая пожить в свой испанский дом. На самом деле, что здесь, что там, в Испании — я сам по себе и они сами по себе.

А ведь было иначе! Как мы были близки с дочкой, пока была маленькая! Она любила повиснуть на мне спереди, как обезьянка, схватившись за шею ручками, прижималась ко мне, улыбалась в лицо и называла «папочкой». Какой же я был счастливый тогда!

И как этого не понимал?! Воспринимал, как должное, как вечное. И вот теперь... дочь даже не разговаривает со мной. Просто молчит, и всё. Я пытаюсь заговорить, узнать, может, чем обидел, но нет... молчит. Жена тут не помощник, жмёт плечам. Почти совсем перестала со мной спать, придумывая вечные отговорки. Да и секс... как отработывает. Стала далёкая и непонятная мне. Они обе вообще меня сторонятся. Даже когда захожу в

комнату, где они оживлённо разговаривают, сразу замолкают. Что я им сделал плохого? Или наоборот, не сделал? Денег, что я зарабатываю, вполне хватает на обеспеченную жизнь. Что не так? Что сломалось? И не находя ответа на вопрос, я срываюсь на такие вот приключения... Такова моя теперешняя жизнь. Появились деньги, но ушла радость и ушло счастье.

Как только я подумал зайти в кафе на территории заправки и выпить кофе, позвонил телефон и сообщил голосом механической женщины о подъехавшем за мной Chevrolet.

3. Не потушенный бычок, или точка возврата

Вчера у меня в салоне умер пассажир. Сел сзади, поздоровался и ехал молча. Когда приехали, он был уже мёртв. Ожидание полиции. Показания. Звонки с телефона покойного родственникам. Те вышли из подъезда. Плач его жены и детей. А труп всё в машине. Такие вот дела... Домой попал только под утро. Мда.

Лица покойного при жизни я не видел. Не смотрел просто на него. Мне не интересны люди. Нет, я люблю отдельных людей, а когда они просто масса... в общем, не люблю. И пассажиров я воспринимаю как серую массу. А те убеждены, что за рулём неудачник, и они-то уж точно добились в

жизни большего. Не все, конечно, такие. Но я же и говорю, в общем... масса.

Сегодня все мысли вокруг вчерашнего покойника. Не знаем, когда и где нас ожидает смерть. Ехал домой мужик, не старый ещё, лет пятьдесят, пятьдесят пять. И на тебе. Сказали, похоже, сердце... Вот и сейчас рядом сидит пассажир, дышит перегаром. Я даже думать забыл о вчерашнем. Почему я за двести рублей должен терпеть это в своей машине? Как только высажу его, сразу проветривать придётся, все окна открывать и сиденье влажными салфетками оттирать... Поможет ли?

— Какой подъезд у вас?

— Третий.

Вот зараза! Двор тут тупиковый, придётся ехать обратно среди машин задом. Тьфу! Мог бы пешком дойти, быстрее бы даже получилось. Нет, к подъезду ему. Я, если еду на такси, всегда возле дома выхожу; знаю, как в эти дворы залезать. Но ему же так удобно! И сидит, воняет тут с гордым видом.

— Спасибо. До свидания.

— До свидания. Хорошего дня.

А мне задом теперь корячится с поворотами.

Опа! Заказ дали. На заправку. Тут рядом совсем. Куда едет, не указано. Ну что ж. Хорошо. Когда заказ за заказом, это хорошо. Сидишь себе,

рулишь, думаешь. О себе, о сыне с дочкой, о бывшей жене и о той, которую любишь сейчас. Стараюсь не показывать свои мысли. Могу даже говорить с человеком, а думать совершенно о другом. О детях-погодках: в свои тринадцать и четырнадцать они просто перестали со мной разговаривать. Только если им что-то нужно, а так даже не здороваются, когда прихожу. Никакого уважения. Даже ночами спать не могу, всё ищу объяснение, почему они так со мной.

А ещё думаю о бывшей жене, которой предстоит операция. Волнуюсь. Прошурудил весь интернет по её диагнозу. Похоже, не опасная операция, по женской линии, но волнуюсь. И все эти переживания накладываются на неясные в плане развития отношений с другой женщиной, с любимой. Я же теперь таксист, а значит — беден, и... и поэтому всё сложно. Вот и думаешь о жизни... Думай себе, рули.

Говорят, работа таксиста тяжела. А что в ней тяжёлого? Это раньше нужно было весь город знать, все закоулки и номера домов. Сейчас навигатор в телефоне, и можно ориентироваться даже в тех городах, где никогда не бывал. Ездить не сложно. Сложно с людьми. Лучше грузы возить или гробы — они молчат.

Уф! Похоже, вырулил. За этим вот домом должна быть заправка. А! Стоп! Нужно быстро

проветрить и протереть сиденье. Успею.

* * *

Почему-то я сейчас подумала о бывшем. Странно, как будто давно всё прошло. Уже нет чувств, нет ничего, а всё равно подумала. И подумала с тоской. Я не сразу поняла, с чем это связано. Оказалось, с дорогой — ехала по той трассе, где всегда вместе ездили к его другу. После развода перестала общаться и с ними. А были так дружны.

И вот знакомые места напомнили о муже. Забыть, конечно, не забуду его никогда, он же отец моих детей. Но скучать или вспоминать нашу любовь — это нет, такое бывает очень редко. У нас сейчас прохладные отношения. Я не вникаю в его жизнь, он в мою. Он, похоже, счастлив: свободен, снимает где-то квартиру и живёт один. Бизнес новый так и не начал. Как потерял тот, так и всё. Теперь он таксист-барыга, и его всё устраивает. Ему не нужны деньги, он живёт в своё удовольствие и за мой счет. Мой, потому что я работаю и содержу детей, а его алименты не покрывают даже квартплату. Да что говорить, эгоист он и есть эгоист. Последний раз, когда виделись, сказала ему, что мне предстоит операция. Он лишь ухмыльнулся своей пошленькой улыбкой

и промолчал. Ему, видимо, как всегда, всё равно.

Мне тяжело жить в вечной заботе о деньгах. Работаю с утра до вечера, но стою на месте, а денег не хватает, сколько бы ни старалась. И непонятно, я за ними гонюсь или эти деньги, словно сидя на трибуне, наблюдают, как я бегаю по кругу.

Заметила, что топливо кончается, а когда повернула к заправке, сразу увидела бывшего. Он стоял у своего древнего Chevrolet.

Вот почему так и для чего: сначала воспоминания, а теперь вот он сам? Не стрижен, ботинки грязные...

Зачем эта встреча? К чему? Я не остановилась. Плавно нажав на педаль газа, поехала дальше. Заправлюсь на следующей.

* * *

Подъехал сразу к колонке, бензин тут был хороший. У входа в здание заправки стоял стареющий мажор, интенсивно жующий жвачку. На вид мужику было под сорок, но одет по молодёжной моде. Особенно смешно смотрелись узкие обтягивающие короткие джинсы и голые щиколотки. Вероятно, это и есть мой клиент. Не оборачиваясь, подошёл к машине, дав заправщику несколько монет, тогда только достал смартфон и нажал кнопку статуса «прибыл». Я уже сидел в

машине, когда открылась задняя дверь и мажор плюхнулся в салон.

— Ты же давно приехал!

— Здравствуйте.

— Здравствуйте. Вы приехали... вы же проходили мимо меня.

— Да. Приехал раньше положенного срока и решил заправиться. А если бы статус поставил, вы бы сразу сели, и нужно было бы ехать.

— Ну, я бы сел в машину, а вы бы заправились. Я уже тут успел одну вашу девушку заправить...

— А если вы вдруг сильно опаздываете?

— Мда... зато честно.

— Какую девушку?

— А? Да, не важно...

— Так куда едем?

— Пока не знаю, вперёд просто ежайте, а я подумаю.

— Тогда по километражу?

— Слушай шеф, мне пофиг. Давай, я тебе плачу как скажешь, и ты меня возишь... часа три, может, больше, или меньше.

Ну и хорошо. Просто вперёд, так просто вперёд. Вот по жизни бы так. Вперёд по дороге без оглядки. Но ведь даже то, что казалось уже давно забытым, может вспыхнуть в памяти так ярко, будто вернулся к началу дороги.

— Алло. Нет, не подъехал... Я и звоню, дай мне номер карты... банковской своей карты. Да, скинь... Да чего ты? Вовсе нет... хочу перечислить тебе деньги. Сколько стоят твои трусы?... да, украду всё у тебя по этому номеру! Уф, у меня не то настроение, чтобы продолжать дурацкий разговор. Сейчас сброшу пятёру на счёт телефона, и делай как знаешь. Пока.

Во даёт! Мажор! Трусеся по пять тысяч у баб скупает. Открыл своё окно и сидит. А сквозняк долбит мне прямо в затылок.

— А вы не могли бы у магазина или палатки какой остановить, мне воды купить надо.

— А вы не могли бы окно закрыть: сквозняк, меня продует, да и «климат» на двадцать два градуса стоит.

Молча закрыл окно и сидит. Вот и место есть, паркуюсь, ставлю статус «ожидание».

— Вон магазинчик.

Мажор так же молча встал и пошёл. «Что-то очень бледный», — подумал, когда он скрылся в магазине. Я вышел и закурил. — «Встал неудачно. Парковка платная начиная с пятнадцатой минуты. Надеюсь, ему хватит?»

Когда уже докурил, мажор вышел из магазина со стеклянной бутылкой «Боржоми», сел на лавку возле машины. «Долго он будет сидеть? Лавка холодная, может, долго не просидит».

— Подскажите, вы сидеть долго будете? Если остаётесь тут пока, то я стоянку оплачиваю. Вот я к чему.

«Да, неважно мужик выглядит. Бледный весь и пот на лбу. Видно, колбасит его не по-детски». — Я сел рядом с ним на лавку.

— ...так я ж тебя спрашивал, готовится что или нет?! Ты ж «нет» сказал! Мы разговаривали... разговаривали сорок две минуты назад! — неспешно идущий по дороге очкарик в джинсах и кашемировой куртке, с обвязанным вокруг шеи шарфом, разговаривал по телефону на повышенных тонах.

Бледный мажор поморщился, как от приступа мигрени.

— Ты чего грубишь?! — выкрикнул очкастый, остановился прямо напротив нас и кинул тлеющий бычок в урну, что была возле лавки.

— Э! Дятел! Что уставился-то? Ты не одурел что ли тут бычки кидать, а?! Что стоишь-то, рот открыл, иди, гази или вытаскивай, чтоб не дымил. Ну, чего вытарашился?

Пытаясь голосом выдать усмешку, мажор выглядел совсем плохо. Было заметно, как его начинает трясти мелкой дрожью.

— Вы, парни, таким тоном между собой общайтесь, поняли?

— Бычок потуши, я сказал!

— ...

— Плохо со слухом?

— Пошёл ты...

— Что? Сука...

Всё случилось быстро. Даже слишком быстро. Вскочивший мажор схватил почти пустую бутылку «Боржоми» и наотмашь ударил очкастого по голове. Тот пошатнулся и через секунду навзничь рухнул на асфальт. По позе, в которой он лежал, было понятно, что либо мёртв, либо без сознания. Мажор начал хрипеть и хвататься за сердце. Я хотел его удержать, но он завалился на землю. «Мать твою! Вчера покойник, сегодня два покойника! Ну их в баню. Нужно закрывать этот заказ!» Я побежал к машине, на ходу вызывая скорую. Когда на том конце ответили, скороговоркой назвал адрес, сообщив о драке и сердечном приступе. Бросив трубку, дал по газам и круто сдал назад, развернулся, газ в пол и помчался по дороге.

Лишь через несколько секунд понял, что навстречу со светофора несутся десятки машин. Я же на встрече! Тут теперь одностороннее движение! Я просто забыл об этом. До встречных машин, было несколько метров, и тормозить уже не имело никакого смысла...

* * *

Фары встречных слились в одну линию, и время изменилось — вязкое, как болото, медленное время. Путаясь в нём, как в паутине, я проживал всю жизнь повторно, только гораздо дольше. События происходили те же, а вот время было другое. И жил я эту жизнь медленно. Я осознавал её. В диалогах часами думал над следующей фразой, отвечая при этом мгновенно для собеседника. Я уже жил другим, внутренним миром. Все происходящее кругом было так заторможено, что я успевал всё взвесить и чувствовал себя мудрецом. Старцем-мудрецом. Жизнь на самом деле очень коротка. И почти всю её человек занимается чем угодно, только не тем, что хотелось бы. Жизнь уходит на магазины, уборку, поездки, зарабатывание денег и развлечения. И всё! На осмысление мы его не тратим. Человек очень мало думает. Он поступает, как ему удобно. А удобно не думать. Он загружает себя проблемами и делами для того, чтобы не думать.

Прошла, наверное, вечность, прежде чем ко мне в этом замедленной жизни снова сел мажор. А потом события стали прокручиваться ещё подробнее. Паутина становилась всё более вязкой. Прошла ещё одна вечность, прежде чем мажор закричал:

— Э! Дятел!.. иди, гаси...

Эмоции руководят нашими поступками, постоянно, как бы мы их ни контролировали.

— Вы, парни, таким тоном между собой общайтесь, поняли?

Очкастый молодец, пытается держаться, но скоро взорвётся. Мажор-психопат это предчувствует.

— Бычок потуши, я сказал!

Я встал с лавки, взял бутылку «боржоми», что рядом с мажором, и залил окурок в урне... Резкая боль. Резкая и короткая, на которую тело даже не успело отреагировать. И всё сразу стало как нужно. Время пришло в норму. Я жил теперь одним временем с этими людьми, что оказались детьми по отношению ко мне старцу-мудрецу.

— Ты это... Слушай, шеф! Ты на фига?

Очкастый развернулся и молча пошёл в том направлении, куда шёл. Мажор сразу как-то обмяк.

— Отвези меня домой, шеф, пожалуйста.

Конечно. Конечно, я знаю, зачем вчера была эта пьянка и сегодня это похмелье. И зачем был этот очкарик. И почему сын не сказал очкарику о картофане. Но им не скажу. И не скажу, почему вообще я всё это знаю.

— Конечно, отвезу. Вставай, давай... Ждут они тебя обе давно, волнуются, только виду даже друг другу не подадут. Вставай, поехали.

ОН БЫЛ ОЧЕНЬ НЕЖЕН

Нужно работать над собой... Моё раздражение. Меня раздражают окружающие, меня раздражает моё раздражение. Меня оно просто бесит. Но я не могу иначе и продолжаю раздражаться.

Вот сейчас я, конечно, никуда не спешу, но меня просто трясёт, когда приходится чего-то ждать.

— Женщина! А можно побыстрее как-то? За вами ещё люди стоят, спешат!

— Девушка, вы уж простите, но быстрее я не могу. Не девочка уже... Сейчас. У меня записано. Сейчас. Вот, не могу найти бумажку, записан он у меня... но куда я подевала? То ли «нейтроферон», то ли что-то похожее. Есть у вас? А, вот бумажка!

Я в аптеке уже минут десять. Очередь. Ненавижу очередь. А теперь ещё эта старуха тормознутая. Почему, подходя к кассе, ты не вытасила все свои бумажки заранее. Зачем остальных задерживать? Почему я должна стоять и ждать? Я так не могу. Очередь в кассу магазина сразу разворачивает меня на выход. Если кому-то заняться нечем, то пусть тратят своё время, как хотят. Вот старухе этой заняться не чем, она и шлындает по аптекам, магазинам, выискивая, чтобы купить подешевле, по акции.

Хотелось развернуться и уйти. Но кому я сделаю хуже? И ведь не очень спешу. Чего я разошлась? Бабуля лет на десять-пятнадцать старше моей мамы. А я тут для мамы и стою, нужно лекарство купить. Затемпературила моя мамочка... Наконец-то. Расплачивается.

— Спасибо. Девушка, не дышите вы так возбуждённо мне в затылок. Проходите... Вы попробуйте просто жить, даже когда стоите в очереди. Раздражение — лишнее чувство. И оно не ускоряет время, а наоборот.

— Идите уже, женщина... Здравствуйте. Будьте добры мне вот по этому списку... Сейчас. Сейчас. Тут только что... куда я его?...

— Хи-хи.

«Всё-таки, какая мерзкая старуха! Хихикает, как Шапокляк. Я же в руках держала список. Вот когда стоишь десять минут в этой очереди и нервничаешь, перекладываешь всё в сумочке. Куда он делся? Эта зараза ещё хихикает».

— Не этот список, девушка? На полу вот лежал.

«Седой весь, уже дед почти, а всё глазки строит».

— Ой, спасибо. Он. Будьте добры, по списку, пожалуйста. Спасибо вам, мужчина.

Я часто хожу к маме одна. Без сына и мужа. Одна... и к папе одна. Люблю так. Мама вела себя

последние годы странно. Вернее, почти сразу после того, как я вышла замуж и стала жить отдельно от них. Сначала она заметно впала в депрессию, стала молчаливой и слезливой. Потом совершенно без повода начала папе закатывать скандалы. А лет пять назад вдруг подала на развод. И как он её ни отговаривал, довела это дело до конца, к тому же, разменяла квартиру и начала жить одна. И это пошло ей на пользу. Она стала улыбаться, даже расцвела. А папа, наоборот, затух. Мне было сложно навещать их по отдельности. Я любила их обоих.

Как всегда, открыв дверь своими ключами, я вошла в дом к маме и начала снимать сапоги.

— Мамочка, ну ты как? Чайничек поставишь?

— Да, сейчас поставлю, Вика. И чаю попьём, и не только.

— О! Мам! — воскликнула, увидев под порогом обновку. — Это те самые сапоги, что ты купила? Класс! Дай ка... ой мам, они мне как раз.

— Нравятся — забирай.

— Ну, мам... я не об этом. Я не к этому же! Ты чего?

— А я об этом, Вика. Пожалуй, они для моего возраста слишком экстравагантны. Забирай.

— Да ладно, мам. Тебе разве дашь пятьдесят? Наоборот, тебе такие модные и нужны. И вообще, некоторые говорят, что ты младше меня